

Крестик
Нолик

Юрий
Сотник

Как я был
самостоятельным

Крестики-нолики

Юрий Сотник

**Как я был
самостоятельным (сборник)**

«Росмэн»

УДК 821.161.1-34-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Сотник Ю. В.

Как я был самостоятельным (сборник) / Ю. В. Сотник —
«Росмэн», — (Крестики-нолики)

В сборник вошли веселые рассказы замечательного писателя Юрия Сотника (1914-1997): «Маска», «Внучка артиллериста», «Дудкин острит» и другие. Герои Сотника – предприимчивые ребята, попадающие в самые невероятные переделки, но они никогда не унывают и всегда готовы прийти на помощь другу.

УДК 821.161.1-34-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Сотник Ю. В.
© Росмэн

Содержание

Как я был самостоятельным	8
Маска	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Юрий Сотник

Как я был самостоятельным (сборник)

© Ю. В. Сотник, наследники, 2017

© Состав, макет, иллюстрации. ООО «РОСМЭН», 2017

* * *

Как я был самостоятельным

День, когда я впервые почувствовал себя самостоятельным, врезался мне в память на всю жизнь. Я до сих пор вспоминаю о нем с содроганием.

Накануне вечером мама и папа сидели на лавочке у подъезда нашего большого нового дома и спорили.

– Парню десятый год! – сердито говорил папа. – Неужели он дня не может прожить самостоятельно? До коих же пор ему нянька будет нужна!

– Говори что хочешь, Михаил, а я знаю одно, – твердила мама, – если мы Лешку оставим здесь, для меня вся поездка будет испорчена. Здесь даже соседей нет знакомых, чтобы присмотреть за ребенком. Я просто вся изведусь от беспокойства.

Решалась моя судьба на весь завтрашний день. Папин товарищ по работе, полковник Харитонов, пригласил родителей провести воскресенье у него на даче, но меня туда брать было нельзя, потому что сынишка Харитонова болел корью. Мама никогда не оставляла меня надолго одного – ей все казалось, что я еще маленький ребенок. В новом доме мы поселились несколько дней тому назад, ни с кем из соседей еще не познакомились, поэтому мама хотела «подбросить» меня на воскресенье к своей приятельнице, жившей на другом конце города.

Папа возражал, говоря, что неудобно беспокоить приятельницу и что пора приучать меня к самостоятельности.

Я стоял и слушал этот спор, от волнения выкручивая себе пальцы за спиной. Провести хотя бы один день без присмотра взрослых и так было моей давнишней мечтой, а теперь, когда мы переехали в новый дом, мне этого хотелось с удвоенной силой. Причиной тому была Аглая – смуглая темноглазая девчонка, известная как заводила среди здешних ребят. Эта Аглая мне очень нравилась, но я чувствовал, что она относится ко мне с пренебрежением, считая меня маленьким мальчиком, да к тому же маменькиным сынком. Мне казалось, что день, проведенный самостоятельным человеком, позволит мне возвыситься в ее глазах.

К моему огорчению, Аглая находилась тут же, во дворе. Она прыгала на одной ноге, толкая перед собой камешек, слыша весь унижительный для меня разговор папы с мамой и время от времени вставляла, ни к кому не обращаясь:

– У! Я с шести лет одна дома оставалась, и то ничего! – Или: – У! Я сколько раз себе сама обед готовила, не то что разогревала.

Я косился на Аглаю и тихонько, но вкладывая в слова всю душу, убеждал:

– Ну мама! Ну мама же! Ну что со мной может случиться? Ну ты только послушай, как я буду жить: вы уедете, я пойду немножко погуляю...

– Дверь захлопнешь, а ключ оставишь дома...

– И вовсе нет! Я ключ еще вечером положу в карман... Значит, пойду погуляю...

– Тебе домашнюю работу надо делать, а не гулять. Скоро первое сентября, а ты и половины примеров не решил.

– Ой, мама, ну ладно! Я гулять не буду. Значит, вы уезжаете, я сажусь делать примеры, потом захотел есть – включаю газ...

– Еще с газом что-нибудь натворит, – пробормотала мама.

– У! Я давно уже газ... – начала было Аглая, но в этот момент прибежал Антошка Дудкин с большим листом бумаги в руках.

– Готово! Куда вешать? – сказал он Аглае, и они вдвоем прикрепили к парадному написанную чернилами афишу.

Она гласила, что завтра в пять часов вечера в клубе имени Полины Кожемякиной состоится спектакль пионерского драматического кружка.

Наконец нам с папой удалось уговорить маму. Было решено, что родители уедут с шестичасовым поездом, а я встану, как обычно, в восемь, сам уберу квартиру, сам приготовлю себе чай, сам накормлю и выведу погулять таксу Шумку, сам (то есть без понуканий) решу десять примеров и сам разогрею себе обед. Я был на седьмом небе. Для меня все это было так ново, так радостно, как иному мальчишке возможность пожить на необитаемом острове.

Весь вечер мама мне давала наставления. Ночью я долго не мог уснуть, а когда проснулся солнечным утром, в квартире стояла необычная тишина. Только Шумка, чесавшая себя за ухом, мягко постукивала лапой по полу. Я был один! Я был полным хозяином квартиры. Я мог как угодно распоряжаться самим собой. Я вскочил с постели и в одних трусах, уперев кулаками в бока, громко насвистывая какой-то марш, отправился обозревать свои владения. Я тут же наметил себе огромную программу действий. Убирая квартиру, я не просто подмету паркетный пол, а заново натру его воском; я даже вычищу и повешу в шкаф папин старый мундир, оставленный им на спинке стула. Примеров я решу не десять, как мы с мамой уговорились, а все двадцать штук. Вечером, если папа с мамой задержатся, я разогрею для них ужин, заверну его в старое одеяло, как это иногда делала мама, а сам лягу спать, оставив на столе записку: «Котлеты и картошка горячие, в кухне, на табурете». Словом, теперь мама узнает, как глупо было с ее стороны бояться оставить меня одного.

Я быстро оделся, умылся и собрался было вывести Шумку, которая уже скулила у двери, но тут меня осенила такая мысль: а что, если заодно пойти в магазин и купить чего-нибудь себе к завтраку? Ведь одно дело, когда в магазин тебя посылает мама, и совсем другое, когда ты сам захотел чего-нибудь, пошел и купил. Ради такого удовольствия не жалко было истратить трешку из пятнадцати рублей, скопленных на аквариум.

Хлеб, масло и колбаса у меня к чаю были. Подумав немного, я решил, что мне хочется сыру.

Через минуту, держа Шумку на поводке, я шел по двору, шел неторопливо, степенно, поглядывая на окна квартиры в первом этаже, где жила Аглая. Вдруг как раз из ее окна вылетела и шмякнулась к моим ногам дохлая ворона. Шумка тьякнула от неожиданности.

– А ну, чтоб духу вашего здесь больше не было! – послышался из окна сердитый женский голос. – Ишь нанесли всякой дряни! Репетировать им надо! На то клуб есть, чтобы

репетировать, там и ходите на головах, а людям покой надо дать. Ну! Сколько раз мне говорить? Марш отсюда!

Вслед за этим из подъезда выскочил и подхватил на бегу ворону рыжий мальчишка с лицом, казалось, состоявшим из одних веснушек. За плечами у него в виде мантии болталось синее одеяло, на котором были нашиты узоры из серебряной бумаги от чая, на голове сидела корона, обклеенная той же бумагой. За ним, прижимая к груди ворох цветных тряпок, выскочила такая же рыжая девчонка, за девчонкой – Антошка Дудкин, одетый как обычно, а за Антошкой выбежала Аглая. Я взглянул на нее, да так и застыл.

Аглая мне нравилась даже в самой затрапезной своей одежде, даже тогда, когда она выбегала во двор в старом материнском жакете, доходившем ей до колен, и в драных валенках на тонких ногах. А тут... она предстала предо мной в наряде сказочной принцессы. На ней было платье из марли, раскрашенной голубой, розовой и желтой красками; на шее блестело ожерелье из разноцветных стеклянных бус, какими украшают елки; два крупных шарика от этих бус болтались на ниточках под ушами, надо лбом в темных волосах блестела мохнатая елочная звезда, а две такие звезды, но поменьше, украшали стоптанные тапочки.

Заглядевшись на всю эту красоту, я даже палец сунул в рот от восхищения. Пробегая мимо, Аглая едва кивнула мне, но вдруг остановилась и спросила через плечо:

– Ну что, уехали твои?

Я быстро вынул палец изо рта и сказал как можно небрежней:

– Конечно, уехали.

– И тебя одного оставили?

– Конечно, одного. Вот еще!.. Не знаешь, магазин открыт? Хочу сыру купить себе к завтраку.

– Открыт, – сказала Аглая, о чем-то думая. – Ты потом домой придешь?

– Ага. Вот только сыру куплю. Сыру чего-то захотелось.

– Эй! Идите-ка! – крикнула Аглая своим приятелям и, когда те подошли, обратилась ко мне: – Тебя Лешей зовут, да? Леша, можно мы к тебе придем? А то нам репетировать надо, а нас отовсюду гонят и клуб закрыт... а ты один в квартире. Ладно?

– Пожалуйста, конечно! – обрадовался я. – Я вот только квартиру уберу, примеры сделаю, и приходите.

Лицо Аглаи стало каким-то скучным.

– У-у! Примеры. А тебя что, заставляют с утра заниматься? Меня, например, никто не заставляет. Когда хочу, тогда и занимаюсь.

– А меня разве заставляют? Меня вовсе никто и не заставляет, это я сам хотел, – заторопился я. – Пожалуйста! Хоть сейчас пойдете! Я и квартиру могу не убирать... Когда захочу, тогда и уберу. Пожалуйста! Шумка, домой!

Большими уверенными шагами я зашагал впереди артистов к своему подъезду, поднялся вместе с ними на второй этаж, открыл ключом дверь и широко распахнул ее.

– Пожалуйста! Вы в какой комнате хотите? В этой или в той? В какой хотите, в той и репетируйте. Пожалуйста!

Артисты прошли в большую комнату, служившую столовой и одновременно моей спальней. Я из кожи лез, чтобы показать, какой я независимый человек и гостеприимный хозяин.

– Аглая, ты не стесняйся, говори, что нужно. Стол мешает? Стол можно отодвинуть, и очень даже просто. Шумка, на место! Не путаться под ногами! Как нужно, так и сделаем, как захотим, так и устроим. Да, Аглая?

Принцесса разглядывала себя в большом зеркале, стоявшем у стены.

– У тебя губная помада есть? – спросила она.

– Помада? У! – воскликнул я, совсем как Аглая. – Я тебе не только помаду могу дать, я и пудру могу, и краску для бровей, и одеколон даже...

Удалившись в другую комнату, я взял там большую коробку с парфюмерным набором «Белая сирень», захватил еще коробочку с краской для бровей и притащил все это Аглае.

– Вот! Пожалуйста! Выбирай что хочешь. Очень даже просто!

Аглая напудрила себе лоб и нос, накрасила губы и поддурмянила щеки. То же самое проделала Зина – рыжая девчонка, игравшая пожилую королеву. Кроме того, ей густо напудрили волосы, чтобы она казалась седой.

– Антошка! – сказала Аглая. – Давай теперь ты загримируйся. Знаешь, как артисты делают, чтобы красивой быть? На носу белую черту проводят, а под бровями розовой краской мажут. И губы тоже.

Но Дудкин, скрестив руки на груди, повесив голову, с угрюмым видом бродил по комнате.

– А ну тебя! «Загримируйся»! Мне козел покоя не дает, а ты – «загримируйся»...

– Какой козел? – спросил я.

Мне объяснили, что Дудкин играет Иванушку-дурачка и по ходу пьесы должен приехать к принцессе верхом на козле и с дохлой вороной в руках. Вот этим козлом, наскоро выпиленным из фанеры, Антошка был очень недоволен.

– Дохлую ворону и ту настоящую достали, а козла курам на смех сделали. Надо, чтобы он на четырех ногах был, чтобы я мог сесть на него и меня бы на нем за веревочку и втащили. А на фанерного разве сядешь! Волочи его между ног, а сам топай на своих на двоих. Публика только смеяться будет.

Король уныло кивнул:

– Ага. Я говорил Наталье Петровне, что надо другого козла, а она свое: «Мы, говорит, сказку ставим, а в сказке и фанерный сойдет».

Артисты замолчали в раздумье. Я тоже молчал и все поглядывал на Аглаю. Мне очень хотелось узнать, что она думает обо мне, убедилась ли наконец, что я человек, достойный ее уважения. Но Аглая не смотрела на меня. Как назло, она обратила внимание на стоявшего у кровати большого коня из папье-маше, на котором я еще недавно ездил верхом по квартире, гоняясь за Шумкой и стреляя в нее из жестяного пистолета.

– Это твой конь? – спросила она.

Я очень любил своего скакуна, относился к нему как к живому существу, но теперь я отрекся от него:

– Нет, не мой... То есть мой, но я в него давно не играю. Он просто так стоит. Что я, маленький, что ли!

Ковыряя в носу, принцесса задумчиво смотрела на коня.

– Антон! Вот бы из этой лошади козла сделать... У нее даже колесики есть. Леша, одолжи нам этого коня. А?

– Конечно, одолжу! Пожалуйста! Что мне, жалко? Я в него вовсе и не играю... Он просто так стоит...

Присев на корточки, Дудкин внимательно осмотрел коня.

– Этот, факт, лучше фанерного, – сказал он. – А хвост куда девать?.. Ты козлов с такими хвостами видела? И тут я окончательно предал своего старого друга.

– А хвост... а хвост можно отрезать! – звенящим голосом выпалил я и завертел головой, глядя, какое это произведет на всех впечатление.

– Тебе от матери попадет, – пробасила Зинаида.

– Что? Попадет? Вот еще!.. «Попадет»! Это моя лошадь: что хочу, то и делаю. Сейчас отрежем, и все! И очень даже просто!

Я снова сбегал в другую комнату, вернулся оттуда с ножницами и присел перед конем. Через минуту пышный мочальный хвост лежал на полу, а я поднялся, мокрый от испарины.

– Вот и все! Вот и пожалуйста! И ничего тут такого нет...

Сделать из лошади козла оказалось работой сложной и трудной. Мне пришлось искать, где у папы лежат плитки сухого столярного клея, потом толочь его, чтобы он быстрее размок, потом варить его в маленькой кастрюльке (подходящей банки в доме не оказалось). Потом мы принялись делать рога. Сначала Аглая свернула из бумаги узенькие фунтики, и мы приклеили их к лошадиной голове, но Антошка сказал, что таких прямых рогов у козлов не бывает. Тогда мы стали делать их плоскими, вырезая из картона, и извели кучу всяких коробок от настольных игр, прежде чем Дудкину понравилась форма рогов.

Для бороды мы, конечно, использовали часть отрезанного мной хвоста, но и тут пришлось помучиться, потому что руки у нас были все в клею и мочалка больше прилипла к пальцам, чем к лошадиной морде. Когда борода была наконец готова, Дудкин заявил, что лошадь надо перекрасить из светло-коричневого в другой какой-нибудь цвет, хотя бы в белый. Зубной пасты оказалось мало, и Зина предложила покрасить мукой. Я достал муки, и мы разболтали ее в тазике, так что получилось нечто вроде теста для блинов. Чем дольше мы работали, тем больше у меня скребли кошки на сердце, когда я смотрел на паркетный пол, заляпанный клеем, жидким тестом и облепленный кусочками мочалки.

Пробило два часа. Королева заторопилась:

– Васька, пойдем, обедать пора. Антон, кончай скорей. В пять часов спектакль, а мы и не репетировали сегодня из-за твоего козла.

Только теперь я вспомнил, что ничего не ел со вчерашнего вечера. В животе у меня бурчало, в голове неприятно шумело.

Держа в левой руке тазик с тестом, а в правой – старую кисточку для бритвы, Дудкин мазнул по коню еще разок, отошел шага на два и склонил голову набок. Потом он бросил кисточку в таз, а таз поставил на стол и вздохнул:

– Зря только коня испортили.

Аглая передернула плечами:

– У, какой-то!.. Тебе все плохо! Фанерный ему плох, этот тоже плох...

– А по-твоему, хорош, да, хорош? – закричал Дудкин. – Ты посмотри на него: у тебя мурашки по спине не бегают? Ведь он на черта похож, с которого содрали шкуру, а ты – хорош!

Я не представлял себе, как выглядит черт без шкуры, но то существо, которое у нас получилось, и правда имело вид жутковатый.

Непросохшее тесто блестело скользким блеском, один картонный рог надломился и свесился набок, куцый хвост, испачканный клеем, превратился в какую-то сосульку, а рыжая борода, наоборот, была слишком пышна и топорщилась во все стороны.

Как видно, и Аглае стало не по себе, потому что она больше не возражала Антону. На некоторое время в комнате воцарилось унылое молчание.

– Аглая! – закричали вдруг за окном сразу несколько голосов. – Эй, Аглая! Дудкин!
– Мы здесь! – отозвалась Аглая, подбежав к окну.
– «Здесь! Здесь!»! Мы вас два часа ищем. Ушли куда-то и не предупредили. Хотите спектакль сорвать?

– Идите сюда. Мы здесь репетируем, в двадцать второй. – Аглая отошла от окна. – Леша, поди открой, это еще артисты идут... Антошка, мы Сене Ласточкину козла покажем. Он староста кружка: пусть как хочет, так и решает.

Я открыл входную дверь, и в квартиру ввалились еще человек шесть ребят. Среди них выделялся плечистый мальчишка с самоуверенной физиономией.

– Сеня, гляди! – сказала ему Аглая. – Мы вот какого козла вместо фанерного сделали, а Дудкину и этот не нравится.

Мальчишка посмотрел на наше страшилище маленькими, узкими глазками.

– Халтура! – проворчал он и добавил: – Я вам получше козла достану. Живого. Настоящего.

– Вот! Настоящего! – обрадовались артисты. – Конечно, хорошо бы настоящего, только где ты его возьмешь?

– У моего дяди есть козел. В сарайчике живет. Только бодливый, черт!

– Это ничего, что бодливый, – сказал Дудкин. – Лишь бы дядя позволил взять.

– А мы его и спрашивать не будем. Потихоньку возьмем, а потом обратно... Вот где бы его спрятать до спектакля? А то дядя скоро вернется, тогда ничего не получится.

Все помолчали, обдумывая этот вопрос.

– В закоулке каком-нибудь привязать, и все.

– В закоулке украсть могут.

– Сторожить по очереди будем.

Сеня качнул головой:

– Не годится. Дядя увидит, что козла нет, и пойдет его искать по дворам да закоулкам. – Он помолчал. – У Юрки спрячем. Юра, у тебя отец с матерью по воскресеньям работают и квартира отдельная. В квартирах козлов не ищут.

Мальчик, которого звали Юрой, попятился от него:

– Ты что, с ума сошел? Ты знаешь, что мне за это будет!

На Юру напали со всех сторон:

– Не хочешь помочь товарищам, да?

– Вот Сеня наверняка знает, что от дяди попадет, а и то не боится для общего дела.

– Ругайтесь себе сколько хотите, – ответил Юра. – Я лучше из кружка совсем уйду, а козла в квартиру пускать не буду. У меня голова на плечах еще есть.

– А я знаю, где козла спрятать! – воскликнула Аглая. – Леша, мы к тебе его приведем. Хорошо?

Тут уж я оторопел. Я почувствовал, что козел в квартире, да еще почти что краденый, – это уж слишком.

– Я... ко мне козла...

У меня пересохло в горле, я поперхнулся. Аглая этим воспользовалась. Быстро поглядывая на меня, она заговорила с воодушевлением:

– К Леше поставим. Леша не такой нюня, как Юрка. Правда, Леша? Он мальчишка самостоятельный, не какой-нибудь маменькин сынок – да, Леша? Мы к нему поставим козла в прихожую и все пойдем обедать. Он часочка два всего постоит, а перед спектаклем заберем. И никто даже ничего и не узнает. Леша, верно я говорю? Ты не забоишься, как Юрка, да, Леша?

– Я... мне...

Я снова запнулся. Все ждали моего ответа, ждала и Аглая. Она раскраснелась, маленькие черные глаза ее блестели, цветные зеркальные шарики покачивались под розовыми ушами. И я не смог отказаться. Я посмотрел на Юру, которому Аглая ставила меня в пример, и слегка расправил плечи:

– Я... Пожалуйста, конечно... Мне, конечно, ничего не стоит... Только... только он, наверное, будет кричать, а соседи...

– У! Кричать? Зачем ему кричать? А соседям ты не открывай. Это твоя квартира, ты хозяин, и пусть они не суются. – И, как видно испугавшись, что я пойду на попятный, Аглая снова принялась меня хвалить: – Ну, что я говорила? Говорила, что Леша не забойтся, – он и не забоялся. Он не то что Юрка, он знаете какой отчаянный!

– Ладно! Пошли тогда, – сказал Сеня и кивнул мне: – Ты жди, значит. Мы скоро...

Артисты повалили к выходу. В передней королева сказала, что ей с Васькой давно пора обедать.

– После пообедаешь, – отрезал староста. – Нам рабочая сила нужна. Он знаешь какой здоровый? Вот такущую собаку насмерть забодал.

Услышав эту фразу, я совсем расстроился, но было уже поздно: артисты ушли.

Я принялся слоняться по квартире. Я понимал, что следует привести в порядок комнату, попытаться хотя бы соскрести тесто с коня, а в первую очередь чего-нибудь перекусить, но от тревоги у меня ни к чему не лежали руки. То и дело я забирался на подоконник.

Наш дом был первым многоэтажным зданием, построенным в этом районе. Его со всех сторон обступили деревянные дома и домишки, в свою очередь окруженные многочисленными сарайчиками и клетушками. В одной из таких клетушек, наверное, и жил этот проклятый козел.

Прошло двадцать минут, потом полчаса. Артисты не возвращались. Я стал подумывать, что, пожалуй, не так уж легко протащить чужого козла в летний воскресный день по проходным дворам. Может, на мое счастье, артистов еще и застукают на месте преступления. Когда часы пробили три, у меня совсем отлегло от сердца, и я направился на кухню разогревать себе обед.

– Леша! Леша! Открывай! – донесся в этот момент взволнованный Аглаин голос.

Остановившись на полдороге, я подбежал к окну, но во дворе уже никого не было. В отвратительном настроении побрел я в переднюю и открыл дверь. Артистов я не увидел. Я только услышал, что под моей площадкой идет приглушенная, но, как видно, отчаянная борьба. Там сопели, пыхтели, кряхтели и шаркали ногами. Временами кто-то яростно фыр-кал. Иногда что-то шмякалось не то об стену, не то о ступеньки.

– Рога! Рога держите! Рога не отпускайте! – хрипло шептали внизу.

– Ыть!.. Еще немного! Ыть! Еще разок!..

– Ой! У-юй!

– Тише! Услышат!

– Подымай ему ногу! Подымай ему ногу! Подымай ногу... Уп!.. Есть!

– Чего – есть?

– По губе копытом!

– Ыть! Еще разок! Ыть!.. Мне за штаны влетит. Ыть!.. Не починишь теперь.

Но вот на лестнице, ведущей к площадке, показалась куча рук, ног, стриженных затылков и растрепанных кос. Она шевелилась, судорожно дергалась и постепенно приближалась ко мне.

Полумертвый от страха, я отступил в переднюю, однако двери не закрыл. Вот куча артистов показалась на площадке. С минуту они трепыхались перед дверью, потом что-то случилось, и в переднюю разом влетели Дудкин, с окровавленной губой, еще два артиста и козел. Он был черный с белыми пятнами. Одного глаза на белой половине морды у него не было, а глаз на черной половине был открыт и смотрел безумным взглядом, каким смотрит с картины Иван Грозный, убивший своего сына. На правом роге его, как чек в магазине, был наколот квадратный кусочек синей материи.

– Двери! – закричал мне Дудкин, устремляясь к выходу. – Закрывай все двери! А то пропадешь!

Козел повернулся, красиво встал на дыбы, Дудкин ойкнул и захлопнул за собой дверь. В следующий момент рога так треснули по ней, что сверху побелка посыпалась.

Я оцепенел. Секунд пять я не двигал ни рукой, ни ногой. Как сквозь вату, я услышал, что в дверь слабо застучали кулаком.

– Мальчик! Мальчик! – запищал тонкий девчачий голосок. – У него на роге мой карман от передника остался. Мальчик, а мальчик, у него на роге мой карман...

Мне, конечно, было не до кармана. Козел снова повернулся, опустил рога и мелкими шажками потопал ко мне. Я шмыгнул в комнату и запер дверь на крючок.

– Черта с два я на такого сяду! – донесся со двора голос Дудкина. – Я уж лучше на фанерном. Что мне, жизнь не дорога?

Я не расслышал, что ему ответили. Шумка, которая до сих пор лишь нервно тьякала в соседней комнате, вдруг закатилась отчаянным лаем. Я сунулся было туда и отскочил назад. Козел был уже в комнате родителей. Он проник туда через другую дверь, которую я не догадался закрыть. Он медленно вертелся, подставляя Шумке рога, а та, захлебываясь от ярости, прижимаясь грудью к полу, в свою очередь, вертелась вокруг козла и норовила схватить его за пятку. Крючка на двери в эту комнату не было. Я забаррикадировал ее тяжелым плюшевым креслом.

И началась катавасия! Лай, топот, фыркание постепенно удалились в кухню, причем там загремело что-то железное, потом шум битвы снова переместился в соседнюю комнату. Я был отрезан от всей квартиры. Я не мог взять из кухни продукты. Мне была недоступна даже уборная, куда я стремился всей душой. Ломая себе пальцы в тоске, я слонялся по комнате и думал о том, как же я открою артистам, когда они придут за козлом, и придут ли они вообще до спектакля, если Дудкин отказался на нем ездить.

Шумка была из тех собачонок, которых называют «заводными». Обычно стоило кому-нибудь пройти по лестнице мимо нашей квартиры, как она впадала в истерику минут на пять.

Козел появился у нас примерно в четверть четвертого. Ровно в четыре в квартире продолжался все тот же тарарам, и Шумка даже не охрипла. Со двора уже давно доносились голоса:

– Безобразие какое!

– Это в двадцать второй!

И Шумка, как говорится, допрыгалась. Лай ее вдруг прервался, она громко икнула, а в следующий момент заверещала таким дурным, таким страшным голосом, что я подумал: «Все! Шумке конец».

– Эй! Двадцать вторая! Что вы там, с ума посходили? – закричали во дворе.

– Прекратите это хулиганство, слышите?

Сам не зная зачем, я подошел к окну. По ту сторону двора стоял двухэтажный бревенчатый дом. Из многих окон его выглядывали жильцы. Несколько мужчин и женщин стояли на крыльце и возле него, подняв головы к окнам нашей квартиры. Стоило мне показаться, как они накинулись на меня:

– Эй, малый! Это ты там безобразничаешь?

– У тебя совесть есть так собаку мучить?

– Мать с отцом уехали, он и распоясался!

В голове у меня звенело от Шумкиного визга, сердце измученно колотилось, но все же я еще разок попробовал показать свою самостоятельность. Печально глядя в окно, голосом слабым, как у тяжелобольного, я пролепетал:

– Вас... вас не касается. Я... я сам... я сам знаю, что делаю. Это наша квартира. И... и вас не касается.

Я отошел от окна. Шумка вдруг перестала верещать и затявкала где-то на кухне, визгливо, обиженно.

«Хам! Грубиян! – как бы говорила она, лежа, очевидно, под газовой плитой. – С тобой и дела-то иметь нельзя». Потявкав немного, она успокоилась. В квартире наступила тишина. Я забрался с ногами на кровать, прижался спиной к стене и тоже затих. На противоположной стене висело зеркало, в котором маячило мое отражение. Никогда еще я не казался себе таким бледным, таким тощим. Я смотрел в зеркало и грустно думал о том, что у меня, наверное, будет рак. Я слышал, как взрослые говорили, что рак развивается на нервной почве и первым признаком его бывает исхудание.

Пробило половину пятого, но я уже не ждал артистов. Я понимал, что они не смогут взять у меня козла, когда во дворе столько народа.

В соседней комнате что-то полилось, потом из-под двери ко мне потекла лужа. Меня это уже не взволновало. Мне уже было все равно.

Потом то ли козел проголодался, то ли ему захотелось домой, но только он начал блеять. Он блеял настойчиво, требовательно, хриплым басом.

– Ишь какой зловредный мальчишка! – послышался со двора старушечий голос. – То собаку мучил, теперь козлом кричит. Все назло!

– Нет, тут что-то не то, – отозвался мужчина. – Разве мальчишка сможет так реветь? У него и голоса не хватит. Странное дело!

– Дядь Терентий? Дядь Терентий! – вдруг взволнованно крикнула какая-то девушка.

– А-я! – донеслось издалека.

– Ты козла ищешь? Поди-ка сюда! Это не твой орет?

Прошло несколько секунд молчания, потом со двора послышалось:

– Ага! Он и есть! Ах люди! Ну что за люди! Средь бела дня!

Дядя Терентий принялся кричать нам в окно, чтобы ему немедленно вернули козла и что он нам покажет, как скотину воровать. Я не отвечал. Собравшиеся во дворе успокаивали дядю Терентия, говорили, что тут, очевидно, какое-то недоразумение, что квартира принадлежит солидному человеку, подполковнику, который едва ли станет заниматься такими

делами. Говорили также, что подполковника сейчас нет и что дома только его сынишка, то есть я.

– А мне шут с ним, кто там дома, кого нет. Мой козел – стало быть, отдай! – сказал дядя Терентий. – Верка! Стой здесь! Пойду участкового приведу.

Козел притих, словно понял, что освобождение близко. Я не боялся прихода милиционера, я был даже рад, что он придет, и думал только о том, как он попадет в квартиру. И вдруг у меня мелькнула такая мысль: козел сейчас в комнате родителей. Что, если я в одну секунду проскочу переднюю, открою входную дверь... А там лестница, а там двор, а там люди, от которых мне попадет, но которые избавят меня от козла...

Я прислушался. В квартире было тихо. Я и не подозревал, что козел уже перебрался в переднюю и стоит у самой двери моей комнаты. Я на цыпочках подкрался к этой двери, тихонько снял с нее крючок, затем сразу распахнул ее и... чуть по напоролся на козлиные рога.

В следующий момент я был на середине комнаты. Козел направился ко мне. Я вскочил с ногами на подоконник. Козел подошел к подоконнику и, мотая головой, глядя на меня своим страшным глазом, хрипло заблеял. И тут я окончательно забыл про свою самостоятельность. Я отодвинулся почти к самому карнизу, свесил ноги наружу, поднял лицо к небу и заревел на весь двор, где уже собралось очень много народу. Однако я недолго ревел. Вскоре еще больший ужас потряс меня так, что я и голос потерял.

Во двор вошли папа и мама. Они шли не под руку, как обычно, а на расстоянии метра друг от друга. Лицо у папы было красное и очень сердитое. Уже потом я узнал, что мама испортила папе все удовольствие от поездки, потому что все время беспокоилась за меня и говорила, что у нее какое-то тяжелое предчувствие. Они уехали от полковника Харитонова, даже не пообедав, и всю дорогу ссорились.

Папа был так рассержен, что даже не заметил толпы, которая глазела на мое окно. Увидев меня, он остановился и почти закричал маме:

– На! Смотри! Целехонько твое сокровище, здоровехонько! И что вообще с ним могло случиться?

Не слушая папы, мама закричала мне, чтобы я лез обратно в комнату, что я могу свалиться. Но я не послушался.

– Дядя Терентий! Дядя Терентий! – сказали в это время в толпе. – Вот как раз товарищ подполковник. Вернулся!

Во двор вошел низенький, грязно одетый дядька с полуседой щетиной на лице, а с ним круглолицый, розовощекий милиционер. Тут папа впервые обратил внимание на толпу и как-то притих. Милиционер подошел к нему и отдал честь:

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться!

– Пожалуйста! Слушаю!

Милиционер смущенно улыбнулся:

– Не знаешь, как и начать... Короче, вот от гражданина поступило заявление, что у вас в квартире... ну, домашнее животное.

– Что за чушь? Какое животное?

– Козел, – пояснил милиционер, зачем-то понизив голос. – Что-о?

– Козел, товарищ подполковник.

Папа вскинул голову. Глаза его сверкали.

– Алексей? В чем дело? Что там такое у тебя?

«Ме-е-е!» – закричал козел за моей спиной.

Что было дальше, рассказывать незачем, об этом каждый догадается. Скажу лишь одно: я много вынес в тот день, но самый тяжелый удар, удар в самое сердце, постиг меня на следующее утро.

Папа был на службе, мама ушла в магазин. Мне запретили выходить. Я лежал на подоконнике и смотрел во двор. Подо мной на лавочке сидели Аглая и другие театральные деятели. Вчерашний спектакль прошел у них успешно, несмотря на то что пришлось удовольствоваться фанерным козлом. За живого козла им, конечно, тоже нагорело, но они уже забыли об этом и обдумывали новую постановку.

– Валенки для партизан достанем, полушубки найдутся, – говорил Сеня Ласточкин. – А вот португую, кобуру и полевую сумку – это надо поискать.

– Лешка достанет, – сказала Аглая. – У него отец военный.

– Какой Лешка? Из двадцать второй? – вмешался Дудкин. – Нет! Не достанет. Теперь ему отец ничего не даст.

– Лешка-то? У! Я ему скажу, что он самостоятельный, – он и без спроса возьмет. Я им как хочу, так и верчу.

Маска

Мы были в красном уголке. Сеня Ласточкин и Антошка Дудкин играли в пинг-понг, Аглая листала старые журналы, а я просто так околачивался, без всякого дела. Вдруг Аглая спросила:

- Сень! Что такое маска?
- А ты чего, не знаешь?
- Я знаю маски, которые на маскараде, а тут написано:
«Маска с лица Пушкина».

Сеня поймал шарик, подошел к Аглае и взглянул на страницу растрепанного журнала. Мы с Дудкиным тоже подошли и посмотрели.

- Маска как маска. С лица покойника.
- Сень... А для чего их делают?
- Ну, для памяти, «для чего»! Для музеев всяких.
- А трудно их делать?
- Ерунда: налил гипса на лицо, снял форму, а по форме отлил маску.
- А с живого человека можно? – спросил Дудкин.

Сеня только плечами пожал:

- Ничего сложного: вставил трубочки в нос, чтобы дышать, и отливай!

Все мы очень уважали Сеню, и не только потому, что он был старше нас: он все решительно знал. Если мы говорили о том, что хорошо бы научиться управлять автомобилем, Сеня даже зевал от скуки.

– Тоже мне премудрость! Включил зажигание, выжал сцепление, потом – носком на стартер, а пяткой – на газ.

Заходила речь о рыбной ловле, и Сеня нам целую лекцию прочитывал: щуку можно ловить на донную удочку, на дорожку, на кружки, а жерех днем ловится внахлест и впробку, а ночью со дна...

Управление машиной да рыбная ловля – дела все-таки обычные. Но отливка масок с живых людей... Мы до сих пор даже не подозревали, что такое занятие вообще существует. Узнав, что Ласточкин и в этом деле «собаку съел», мы только молча переглянулись между собой: вот, мол, человек!

– Пошли! – сказал Сеня и направился обратно к столу для пинг-понга.

Дудкин пошел было за ним, как вдруг Аглая вскрикнула:

– Ой! Антон! Для выставки маску сделаем!

Антошка сразу забыл про игру.

– В-во! – сказал он и оглядел всех нас, подняв большой палец.

Каждый год к первому сентября в нашей школе советом дружины устраивался смотр юных умельцев. Ребята приносили на выставку самодельные приборы, модели, рисунки, вышивки. Специальное жюри оценивало эти работы, и лучшие из них оставались навеки в

школьном музее. Аглая с Дудкиным все лето мечтали сделать что-нибудь такое удивительное, чтобы их творение обязательно попало в музей. Это было не так-то просто: на выставку ежегодно представлялось больше сотни вещей, а в музей попадали две-три.

– В-во! – повторил Дудкин. – А гипс в «Стройматериалах» продается. Я сам видел. Сень! Покажешь нам, как отлить?

– Ага, Сень... – подхватила Аглая. – Ты только руководи. Мы все сами будем делать, ты только руководи.

Сень у нас никогда не отказывался руководить. В свое время он был старостой нашего драмкружка (это когда ко мне в квартиру притащили живого козла), руководил оборудованием красного уголка (тогда еще Дудкин перебил зубилом внутреннюю электропроводку). Теперь он тоже согласился:

– Ладно уж. Только быстрее давайте: мне в кино идти на пять тридцать.

Стали думать, с кого отлить маску. Ласточкин сказал, что хорошо бы найти какого-нибудь знаменитого человека: тогда уж маску наверняка примут в музей. Дудкин вспомнил было, что в нашем доме живет профессор Грабов, лауреат Ленинской премии, но тут же сам добавил, что профессор едва ли позволит лить себе на лицо гипс. И вдруг меня осенило.

– Гога Люкин! – сказал я.

Аглая с Дудкиным сразу повеселели.

Гога Люкин жил в нашем доме. Он учился во втором классе, но его знала вся школа. Дело в том, что он был замечательный музыкант. Во всех концертах школьной самодеятельности он играл нам произведения Шуберта, Моцарта и других великих композиторов. Он был курчавый, большеглазый и очень шупленький, с большой головой на тонкой шее. Когда мы слушали его, нас всегда удивляло, как это он, такой крохотуля, может выбивать из рояля такие звуки. Но еще больше нас удивляло, что он в свои восемь лет сам сочиняет вальсы и польки и они получаются у него совсем как настоящие. Я сам слышал, как педагоги называли его «удивительно одаренным ребенком», и все мы были уверены, что Гога станет композитором.

– У него башка варит, – сказал Дудкин, кивнув на меня. – «Варит»! – вскричала Аглая. – Да нам с тобой такого в жизни не придумать! Когда Гошка станет знаменитым, маску не то что в школьном – в настоящем музее с руками оторвут.

Мы надели плащи (на улице шел дождь) и побежали искать композитора.

На ловца, как говорится, и зверь бежит: мы встретили Гошку во дворе. Он был в зеленом дождевике из пластика, доходившем ему до пят, в таком же капюшоне, спускавшемся почти до носа.

Мы окружили Гошу. Аглая, Дудкин и я, перебивая друг друга, объяснили, зачем он нам нужен. Нам не терпелось, мы хотели заняться отливкой маски немедленно. Композитор выслушал нас и остался совершенно равнодушным.

– Я сейчас не могу, – сказал он из-под капюшона.

Мы заговорили о том, что он своего счастья не понимает, что это большая честь для него, если его маска будет висеть в школьном музее. Но и это не произвело на него никакого впечатления. Похоже было, что ему наплевать на то, что он композитор и что его ожидает слава.

– Мне некогда, – сказал он. – Я в галантерею иду.

– А чего тебе делать в галантерее? – спросил Дудкин.

– У мамы завтра день рождения, и мне надо ей подарок купить.

– А чего ты ей хочешь подарить?

– Пудреницу. За рубль пятнадцать. – Композитор разжал ладонь и показал несколько двугривенных и пятиалтынных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.